

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 31 января 2008 г. (№ 28) журнал НОВАЯ ЭКОНОМИКА включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам. Адрес нашего местонахождения в каталоге РИНЦ https://elibrary.ru/title_about.asp?id=33689
ISSN 2224-2031

Содержание

Экономика

С. С. Полоник, М. А. Смолярова. Перспективная структура экономики Республики Беларусь с учетом максимального использования интеллектуальных преимуществ.....	5
М. В. Апанасевич. Оценка интеллектуального капитала промышленной компании: принципиальные подходы и инструменты.....	12
Ю. Л. Астраух. Институт конкуренции: роль и значение явления в процессе организационной трансформации экономической системы.....	21
В. В. Борботько. Система сертификации и ее роль в развитии современной организации.....	29
Е. В. Ермакова. Государственное регулирование инвестиционной и инновационной деятельности.....	35
С. М. Рагойша. Управление маркетинговой деятельностью предприятия.....	39
А. В. Швед. Строгость экологической политики: проблемы количественной оценки и ее влияние на внешнюю торговлю.....	44
М. В. Лысенкова. Исследование инвестиционного потенциала Республики Беларусь как вектора устойчивого развития инновационной экосистемы.....	56
Д. Н. Месник, Т. В. Пильгун, О. И. Мойсак. Рынок пассажирских перевозок Республики Беларусь: развитие, структурные изменения, тенденции.....	68
А. А. Новицкая. Анализ фактического состояния степени цифровизации экономической микросистемы. Оценка ИКТ-готовности, зрелости.....	81
В. Ф. Володько, С. М. Рагойша. Динамика концепций маркетинговых стратегий.....	89
Чжан Пэнфэй. Основные подходы к государственному регулированию индустриальных парков в государствах — членах ЕАЭС.....	103
К. В. Акименко. Банки и небанковские кредитно-финансовые учреждения Республики Беларусь.....	110
М. В. Апанасевич. Исследование сущности инновационного потенциала компании.....	119
А. М. Рубанцев. Система управления ассортиментом продукции промышленного предприятия.....	123

М. Е. Карпицкая. Современные мировые тенденции разработки конкурентных стратегий страховых организаций	132
Лю Минхуэй. Планирование политики продвижения туристических услуг на зарубежных рынках	142
И. С. Полоник. Концептуальные подходы построения модели устойчивой зависимости здоровья населения от развития цифровой экономики	150
А. А. Тозик, А. В. Бегун. Рынок транспортных услуг Республики Беларусь: тенденции развития и влияние интеграционных процессов ЕАЭС	160
И. Н. Чепик. Тенденции развития и интернационализация малых и средних предприятий сектора деловых услуг.....	166
Чжан Кан, В. С. Голик. Перспективы развития рынка электромобилей в Республике Беларусь.....	174
О. М. Володько, С. В. Титков. Модели мотивации персонала в зарубежных компаниях	179
М. С. Рызванович, В. В. Можджер. Концепции и механизм управления конкурентоспособностью продукции.....	189
С. М. Рагойша. Современные теории маркетинговой деятельности	197
В. С. Голик, Чжан Кан. Этапы проведения рекламной интернет-кампании	203
А. Ю. Жевлакова. Особенности применения стратегии дифференцированного ценообразования на предприятиях Республики Беларусь.....	208
С. С. Рябова. Особенности управления государственным акционерным капиталом	215
С. В. Титков. Стимулирование персонала как фактор роста производительности труда.....	220
Н. Ю. Трифонов. Инвестиционный анализ проектов с дискретно-непрерывным потоком платежей и переменной ставкой.....	227
И. П. Деревяго, Фэн Жонань. Финансовая стратегия в системе стратегического управления.....	232
К. В. Лемба, Г. А. Хацкевич. Особенности сезонной корректировки базового индекса потребительских цен в Республике Беларусь	239
Ю. Е. Анкинович. Прогнозирование основных показателей результативности инновационной деятельности Республики Беларусь	249
Лю Минхуэй. Рекомендации по разработке дорожной карты продвижения туристических услуг на внешних рынках.....	254
М. М. Шоломицкая. Развитие центров поддержки технологий и инноваций как необходимое условие обеспечения коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности	259
Н. И. Кабушкин, А. И. Тарасёнок, О. В. Ежель, Н. В. Шутилина, П. А. Литвинов. Развитие туризма в Минске: состояние въездного туризма, туристический образ, инновации продвижения	269
I. A. Davidzenka. Fractional view on contemporary export sales function	276
А. А. Коробач Роль и значение инноваций в повышении эффективности и конкурентоспособности деятельности предприятий.....	285
О. А. Малайчук. Маркетинговая деятельность промышленных предприятий в условиях цифровой трансформации: особенности и тенденции	291
И. С. Полоник. Оценка влияния демографических факторов и ограничений на социальное и экономическое развитие Республики Беларусь	297
Д. М. Швайба. Прямьяненне метадаў гарманічных вагаў і ўзбуйненых эканоміка-статыстычных разлікаў пры пошуку паказчыкаў сацыяльна-эканамічнай бяспекі	306
Л. А. Язубец. Анализ нормативно-правовой базы в сфере обеспечения государственной монополии Республики Беларусь на пивоваренную и табачную продукцию	314
Ю. Н. Бороденя, Е. Э. Головчанская. Актуальность совершенствования управления организационно-экономическим механизмом развития интеллектуальных ресурсов предприятия в современных условиях цифровизации.....	323
В. В. Дершень, В. А. Пархименко. Эффект фрейминга и справедливость повышения цены на товар с точки зрения потребителя: эмпирическая оценка	328

А. В. Цуба, Е. Л. Павлович, В. Ф. Иванов. Информационное обеспечение коммерциализации результатов научно-технической деятельности в агропромышленном комплексе Беларуси	338
I. A. Davidzenka. Export sales (B2B): intensifying the promotion of goods and services in the context of digital transformation	344
А. В. Борисевич. Методические подходы к организации эффективного управления наличным денежным обращением в банке	352

Экономика Китая

О. М. Овечкина, К. А. Мигаль, У. А. Петрович. Экспорт белорусских молочных товаров в КНР: состояние и перспективы развития	357
Фэн Минтао. Экономическая интеграция Китая и ЕАЭС: проблемы и перспективы	361
Ши Чжичао. Последствия торговой войны для конфликтных сторон в контексте коронавирусной пандемии и связанного с ней мирового экономического кризиса	367
Г. Н. Гаврилко, Ши Чжичао. США в торговой войне с Китаем: стратегическое соперничество или долгосрочное сотрудничество?	375
Лю Минхуэй, В. С. Голик. Влияние коронавирусной инфекции COVID-19 на развитие въездного и выездного туризма в Китайской Народной Республике	383
Вуришана. Концептуальные основы активизации двусторонних потоков прямых инвестиций между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь в условиях международного сотрудничества.....	388
Чжан Хэн. Политика реформ и открытости КНР: этапы и значение для реализации стратегии глобального внешнеэкономического наступления «Идти во вне»	394
Сяо Лися. Особенности налогообложения прибыли строительных предприятий Китая	401

Общество

С. Н. Князев. Некоторые проблемы социально-экономической трансформации в прошлом и в настоящее время	407
М. Я. Мацевич. Белорусская идентичность в контексте акторно-сетевой теории.....	414
И. С. Турлай. Институционально-экономические основы белорусской государственности	421
В. А. Предборский, В. П. Кунцевич. Усиление теневых антимодернизационных трендов внешнего управления	425
Н. Н. Панков, Е. С. Пашкевич. К вопросу состояния таможенного сотрудничества в сфере борьбы с незаконным перемещением культурных ценностей в ЕАЭС	439

Редакционная коллегия:

ПОЛОНИК Степан Степанович,
председатель редакционной коллегии,
доктор экономических наук, профессор
факультета маркетинга, менеджмента,
предпринимательства Белорусского национального
технического университета (г. Минск)

СМОЛЯРОВА Мария Александровна,
ученый секретарь, доцент кафедры экономики
и управления инновационными проектами
в промышленности факультета маркетинга,
менеджмента, предпринимательства Белорусского
национального технического университета (г. Минск)

АДУЛО Тадеуш Иванович,
доктор философских наук, профессор, заведующий
отделом философской антропологии и философии
культуры Института философии НАН Беларуси
(г. Минск)

БАБОСОВ Евгений Михайлович,
главный научный сотрудник отдела политической
социологии Института социологии НАН Беларуси
(г. Минск)

БОНДАРЬ Александр Викторович,
заслуженный работник образования, доктор
экономических наук, профессор, заведующий
кафедрой экономической политики Белорусского
государственного экономического университета
(г. Минск)

БРОВКА Геннадий Михайлович,
кандидат педагогических наук, декан факультета
технологий управления и гуманитаризации
Белорусского национального технического университета
(г. Минск)

ГАНУШ Геннадий Иосифович,
доктор экономических наук, профессор, заведующий
кафедрой экономической теории и права Белорусского
государственного аграрно-технического университета,
член-корреспондент НАН Беларуси (г. Минск)

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич,
академик РАН, доктор экономических наук, профессор,
советник президента Российской Федерации
по вопросам региональной экономической интеграции
(г. Москва)

КЛЮНЯ Владимир Леонидович,
доктор экономических наук, профессор кафедры
экономики Полоцкого государственного университета
(г. Новополоцк)

КНЯЗЕВ Станислав Никифорович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой государственного управления Академии
управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск)

КОРОТКЕВИЧ Алексей Иванович,
кандидат экономических наук, доцент, заведующий
кафедрой банковской экономики Белорусского
государственного университета (г. Минск)

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич,
доктор философских наук, профессор, начальник
научно-исследовательского отдела Белорусского
государственного университета культуры и искусств
(г. Минск)

ЛУКИН Сергей Владимирович,
доктор экономических наук, профессор кафедры
международного менеджмента Белорусского
государственного университета (г. Минск)

МАРУШКО Дмитрий Александрович,
кандидат экономических наук, декан факультета
цифровой экономики Белорусского государственного
экономического университета (г. Минск)

МЕЛЬНИК Владимир Андреевич,
доктор политических наук, профессор кафедры
социальной политики и идеологии Академии
управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск)

НЕХОРОШЕВА Людмила Николаевна,
доктор экономических наук, профессор, заведующий
кафедрой экономики промышленных предприятий
Белорусского государственного экономического
университета (г. Минск)

НИКИТЕНКО Петр Георгиевич,
академик, профессор, доктор экономических наук,
нормант Нобелевской премии по ноосферной
экономике и Китайской премии Династии Тан
по устойчивому развитию (г. Минск)

ПУРС Геннадий Анатольевич,
кандидат экономических наук, директор РУП РНТЦ
по ценообразованию в строительстве (г. Минск)

САМАЛЬ Сергей Александрович,
доктор экономических наук, профессор кафедры
общей математики и информатики механико-
математического факультета Белорусского
государственного университета (г. Минск)

ТИХОНОВ Анатолий Олегович,
доктор экономических наук, профессор кафедры
государственного строительства и управления
Академии управления при Президенте
Республики Беларусь (г. Минск)

ШМАРЛОВСКАЯ Галина Александровна,
доктор экономических наук, профессор кафедры
международного бизнеса Белорусского
государственного экономического университета
(г. Минск)

Главный редактор:
САЕВИЧ Виктор Валентинович,
председатель совета ОО «Новая экономика» (г. Минск)

Заместитель главного редактора:
ВАН Чао,

доктор экономических наук,
заместитель директора
китайско-белорусского центра экономических
исследований «Один пояс, один путь»

Усиление теневых антимодернизационных трендов внешнего управления

Предборский Валентин Антонович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической теории,
Национальный авиационный университет
(г. Киев, Украина)*

Кунцевич Виктор Павлович,

*старший преподаватель кафедры корпоративных финансов,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)*

В статье исследуются теоретические аспекты одного из стержневых элементов теории тенезации власти — расширение внешнего теневого управления национальным экономическим пространством средствами незавершенной модернизации (недореформирования) власти, алгоритма формирования его тенезационной, двойственной структуры, связь с механизмами «двоевластия» власти.

The subject of the study is the theoretical aspects of one of the core elements of the theory of shadow power—the expansion of external shadow management of the national economic space by means of incomplete modernization (under-reformation) of power, the algorithm for forming its shadow, dual structure, and the relationship with the mechanisms of» dual power « of power.

Введение. Системные процессы деградации, деформации социально-экономических процессов, развитие факторов кризисной регрессии власти, системная коррупция обуславливают высокую степень торможения процессов реформирования общественных отношений, необходимость изучения сущности современных доминирующих теневых властных воздействий, в частности причин и факторов теневых воздействий на власть средствами внешнего управления, императивов по применению эффективных средств их ограничения и усиление резистентности от тенезационного поражения.

Проблемам теневой власти посвящены исследования следующих экономистов: в России — С. Ю. Барсуковой, П. Н. Панченко, Ю. В. Латова, Л. М. Тимофеева; в Украине — А. И. Барановского, С. С. Варналия, А. С. Гальчинского, Я. Я. Дьяченко, С. А. Коваленко, И. И. Мазур; в Беларуси — В. А. Дадалко, А. И. Лученка, Г. В. Терени и др. Значительный вклад в разработку администра-

тивно-правовых и уголовно-правовых аспектов противодействия коррупции, теневой власти внесли ученые-юристы.

Кроме того, в связи с недостаточным системным изучением внешнего теневого двоевластия, его генезиса, метаморфозы отдельных форм и стадий, причин и факторов его развития средствами теневого управления, закономерности эффективного ограничения теневых процессов внешнего управления требуют дальнейшего исследования.

Целью статьи является развитие теоретического изучения сущности теневого двоевластия, в частности расширения внешнего управления средствами незавершенной модернизации власти.

Основная часть. Систематизационный анализ широкого исторического ряда постсоветских общественных реформаций свидетельствует о наличии устойчивого воспроизводства существенных противоположностей интересов власти и широких слоев населения в выборе

способов и средств их проведения. Очередные надежды на высвобождение мощных национальных производительных сил, снятие с их развития исторического проклятия относительно системных жестких ограничений остаются неоправданными. Происходит лишь модификация этих противоречий, мимикрия настоящих реформ, изменения в выборе форм и субъектов противостояния власти и общества.

Межцивилизационная модернизация — это объективная циклическая система, в том числе во властной сфере и реформационных процессах, обеспечивающих приспособление, подчинение (в той или иной форме под внешним управлением) социально-экономических организмов зависимых стран под доминирующим воздействием развитых стран (последние триста лет — это Запад) с социально-экономическими, властными последствиями в виде утраты собственной и перехода к зависимой цикличности развития, которая определяется доминирующим циклом.

С появлением Запада власть и общество незападных стран оказались как бы в разных лодках, плывущих в одном направлении, но часто с существенно отличными целями, формами движения. Незападные страны не могли не почувствовать своей отсталости, второсортности, того, что направление мирового развития определяется исключительно Западом, как одновременно и его привлекательность и создание истоков новых угроз для их традиций, ценностей существования.

Так, концепция прогресса развития является легитимизацией исключительно вызова Запада и реакцией на его влияние в условиях интенсификации мировых связей. Другие страны, и в первую очередь их элиты, уже не могли не принимать участия в мировых процессах вроде квазизападных, не вестернизироваться, не быть их активными носителями. Для большинства этих стран утрата оптимальной комбинации рыночных вестернизированных властных трансформаций и сознательной или бессознательной потери собственных традиций или иной гомеостазной почвы приводит к прогрессирующему отставанию в экзогенной и эндогенной конкуренции с другими элитами, еще большей зависимости от развитых государств, неизбежной деградации.

Зависимым странам, в том числе современным постсоветским государствам, их транзитивным экономикам, которые образуют в современных условиях так называемое второе или малое общество по отношению к господствующему западному, присущ процесс незавершенной (неполной) модернизации. Для нее характерны ряд эффектов, имеющих тенеза-

ционный характер: отсутствие четких границ между сферами деятельности, персонификация общественных отношений, несовершенство механизмов контроля насилия и дуализм норм, гибридизация власти и т. д. Иначе говоря, трансформация «малого» общества в современное является процессом незавершенным [1, с. 15—30]. Одним из существенных признаков общества незавершенной модернизации является наличие системных противоречий между ее последствиями, в частности модернизацией элитного властного и ординарного секторов властной организации, наиболее важным — между властью и обществом [2].

Так, процесс модернизации властной транзитивной структуры зависимых стран связан с проблемой асинхронного расширенного воспроизводства элементов, образующих асимметричную социально-экономическую властную структуру этих стран, и в связи с этим — с созданием в ней структурных разрывов — «пустот» на том месте, где должна существовать изоморфная властная структура, необходимая для обеспечения сбалансированного развития общества.

В отличие от развитых стран, где властные структурные разрывы (между высшими, элитными, уровнями властной структуры и средними, простыми, низовыми) имеют внутрисекторный характер, а в социально-экономической структуре присутствуют все основные, необходимые для синхронного изоморфного развития элементы, в зависимых со структурами незавершенной модернизации отсутствует ряд блоков социально-экономической властной структуры, необходимых для нормального сбалансированного развития. При этом возникает социально-технологический властный разрыв в общественной системе, сущность которого проявляется в том, что прерывается процесс постепенного развития автохтонной властной общественной структуры, и в саму эту структуру включаются созданные вне ее общественно-технологические блоки. Процесс воспроизводства в зависимых странах теряет характерную для развитых стран на всех этапах движения непрерывность и становится возможным только в условиях обмена части их продукта на общественные средства из развитых стран.

Таким образом, одним из базовых атрибутов общественной структуры зависимых стран является отсутствие в ней ряда блоков, необходимых для синхронного развития, отсюда и потребность в периодической модернизации. Критическая масса властных блоков, необходимых для синхронного развития, определяется

наличием такой ситуации, когда все элементы властной структуры функционируют и поддерживают процесс расширенного властного воспроизведения, не имея потребности в поддержке ресурсами, поступающими в систему централизованного безэквивалентного перераспределения. Такую критическую массу хозяйственных блоков называют целостной индустриальной структурой [3, с. 95]. Это касается, по нашему мнению, в первую очередь и системы власти, формирования ее как целостной властной структуры.

Модернизация постсоветского властного пространства формирует его в мозаичную биполярную структуру, где вокруг небольшого количества вестернизированных административно-экономических властных центров функционирует эксполлярное большинство ординарной властной среды, по уровню модернизации существенно отстающей от развития современных центров. Динамика модернизации в полюсах биполярной структуры власти отличается не только своими уровнями, но и особенностью ацикличности, асинхронности, асимметричности и даже реверсно-архаичным характером по отношению как к западным образцам, так и к другому полюсу биполярной структуры.

Архаизация [4, с. 126–130] (историческое возвращение) имеет существенное значение для понимания последствий модернизации — это процесс развития в зависимых, некапиталистических странах под влиянием модернизационного давления развитых стран — явления своеобразной цивилизационной субдукции не столько собственно модернизационных порядков, сколько таких псевдомодернизационных общественных архаичных преобразованных укладных форм, с которыми эти зависимые периферийные страны в домодернизационный период не сталкивались или сталкивались лишь в ограниченном объеме. В этих странах процесс модернизации является источником образования огромного объема превращенных архаизованных (теневых) экономических форм.

Накопление трендов незавершенной модернизации или архаизации распределяются в биполярной структуре следующим образом: в элитных административно-экономических структурах накапливаются гибридизированные и интегрированные формы собственности и власти, истоки которых в значительной степени нивелируют, подавляют системные традиционные ценности общества, отделяются от них. Напротив, ординарная среда является их естественным аккумулятором и хранилищем,

воспроизводителем защитной народно-традиционной реакции на девиационные процессы в элитной системе.

Состояние социально-экономической структуры, при котором отсутствие любого блока, необходимого для структурного развития, приводит к невозможности для соседних блоков функционировать без перманентного централизованного вестоимостного перераспределения в их пользу общественных ресурсов, изымаемых из других блоков асинхронно-асимметричной модернизации отдельных сегментов, имеет название структурного разлома. Последний — качественно новое явление, имеющее существенные различия по своим последствиям для развития тенезационных процессов от структурного разрыва, присущего развитым, доминирующим странам.

Таким образом, межсекторный разлом вместе с другими противоречиями незавершенной модернизации, например «гибридизацией» власти, архаизацией, приводит к возникновению мощной тенезации властных процессов зависимых стран с постсоветской моделью развития, в частности явлений ее монополизации, бюрократизации, развития системной коррупции, функционирования теневой власти [4, с. 150–167].

Элитная структура власти в постсоветском пространстве — это синергетическая форма образования и расширения структурного разлома, которая усилена потоком гибридизации (синкретизма) власти и компрадорского бизнеса. Исследование конкретной социально-экономической формы элитного сектора власти зависит от соответствующих функций исторического этапа развития всей экономической структуры общества, в котором происходит модификация этой формы.

Элитная властная структура — это система отношений для ограниченного круга властных лиц, обеспеченных олигархическими, политическими, компрадорскими властными и бизнес-отношениями, коррупционными и родственными связями с высшими ступенями административной и судебной власти, правоохранительных органов, отсутствием экономической и политической конкуренции в сочетании с неограниченным доступом к национальным ресурсам страны. Форма существования элитного властного сектора органично приобретает признаки организованных форм девиационного деятельности, в том числе преступной — альтернативных теневых центров власти, вместе с теневым силовым обеспечением. Элитная властная структура — это закрытая общественно-экономическая

сфера, монополизированная олигархическими, административными и криминальными бизнес-структурами, которые имеют цель получить сверхвысокие доходы посредством использования в значительной степени спекулятивного финансового капитала [5, с. 10]. Существующая как господствующая теневая структура элитная власть образует, согласно своим потребностям, и теневую политическую, юридическую и другую социально-экономическую инфраструктуру, что обеспечивает теневой субдукционный режим функционирования рядовых субъектов хозяйствования.

Главным видом монополии, которая является системообразующим атрибутом для функционирования паразитарного элитного властного сектора, выступает монополия на эксплуатацию административного ресурса органов государственной власти в интересах третьих лиц.

Существование властной структуры за пределами влияния и контроля общества превращает ее в основной двигатель, катализатор распространения тенизации общественной жизни через перекалывание фискального бремени на плечи ординарной власти, ординарных хозяйственных структур.

Таким образом, процесс незавершенной модернизации, структура социально-экономического разлома разрывает властное пространство на две асимметричные части, которые имеют принципиальные различия в целях, способах и последствиях: на властно-элитный и ординарный сектора. Первый выступает как активная (гомеорезная) сторона трансляции квазимодернизационных тенденций, которые модифицируются и адаптируются вокруг актуальных интересов правящей элиты (часто под более или менее заметным давлением внешнего управления). Ординарно-властный сектор представляют архаизированную, асимметричную, ациклическую, неформальную сторону неолигархической малой бизнес-организации при объективном стремлении к активизации принципов сохранения, гомеостаза системы (традиций, культурного наследия, системы ценностей). Это и обуславливает закономерности устойчивых противоречий между властью и обществом при проведении прозападных реформ: исторически узкие, деформационные условия реформирования воспроизводят старые кризисные последствия их противоречий: асинхронно-асимметричные выходные средства реформ по отношению к элите и ординарных кругов, ухудшение положения широких слоев населения, возложение бремени изменений на плечи народа. При этом

ординарные субъекты используют внутреннюю защитно-консервативную стратегию реакции на последствия квазимодернизации, применяя при этом традиционные (неформальные, теневые) формы организации сопротивления [4, с. 64–70].

Постсоветский период перенасыщен огромным пластом инерцией имперских и неоимперских противоречий, формирующих мощный объем социальной деградации, обнищания, тенизации и криминализации общества.

Устранение фундаментального противоречия между олигархически коррупционной властью и обществом, минимизации разрыва между адекватно-генетическими принципами развития общества и квазимодернизованными, квазивестернизованными особенностями реформации со стороны паразитарной элиты требует напряженной целенаправленной системной работы, основным вектором которой является культивирование генетически адекватной обществу солидарной (соборной) формы организации, функционирования эффективного элитного сектора [4, с. 264–279].

Социально-экономическая властная система имеет широкий комплекс генетически определенных архетипов-режимов эволюционного поведения в зависимости от значений внутренних и внешних параметров функционирования (они называются управляющими). Различным режимам соответствуют разные варианты архитектурники сложных социально-экономических механизмов, которые вводят комплекс ассимилированных архетипов и реализуемых в соответствии с характером изменения управляющих параметров. В зависимости от этого система выбирает тот или иной режим [6, с. 26–28, 154–155].

Тотальное появление эксплоярных, превращенных теневых форм отражает запуск особого режима формирования, самоорганизации социально-экономической системы крестьянской цивилизации под давлением доминирующих систем, ее реакции на внешние воздействия, из-за достижения в специфических условиях высшей упорядоченности и целостности динамического поведения и устойчивых состояний — аттракторов [4, с. 141–142]. Ключевым звеном системы власти незавершенной модернизации для запуска соответствующей структуры аттракторов является автономная теневая власть, приспособления ее амбивалентной функции для развития постсоветской власти. Однако современность не дает оптимизма относительно увеличения ее транспарентного потенциала, следовательно, транспарентности системы власти в целом.

Тенизация власти означает сдвиг ее структуры в сторону более традиционных, архаических форм, сужения основ развития, модернизации власти. Причинами такой тенизации в деятельности автономной теневой власти может быть как избыточная по отношению к базису гомеостаза общества псевдовестернизация, что приводит к тенизационной деформации, разрушению генетически-властных отношений, так и изоляционная недомодернизация, избыточно ограниченный консервативный характер модернизационных процессов, сохранения клановых форм властной организации, значительного расширения форм паразитарно-консервативного элитного сектора. Так, трансформация социально-экономической структуры общества в современных условиях в сторону усиления функциональной роли клановых структур означает запуск более теневых, архаичных, антидемократических, антирыночных институциональных процессов, неизбежного ускоренного развития системных нетранспарентных явлений. Это означает не что иное, как торможение модернизации (реформирования) теневыми факторами.

Развитая автономная теневая власть как диалектический результат незавершенной модернизации, архаизации его предварительного исторического развития — это закрытая теневая зона власти, прикрытая официально существующей легитимной государственно-властной институциональной структурой, синергетически интегрированная теневым бизнесом, плутократией, олигархией, базовый (в пределах тенизационного пространства) системообразующий сектор властной структуры, теневое частно-государственное образование, сектор институциональной асимметрии, искривленности, клановости, что определяет главные властные интересы и противоречия между властью и обществом, тенизирующие факторы общественного развития. Это синергетическая форма образования и расширение межсекторного разлома в обществе незавершенной модернизации, ускоряющая усиление потока гибридизации (синкретизма) власти, бизнеса, плутократии, мощный теневой интерлокер влияния теневого внешнего управления властью средствами незавершенной модернизации. Особенности конкретной социально-экономической формы теневого автономного сектора зависят от соответствующих модификаций этого сектора в конкретно-исторических условиях формирования [4].

Содержанием категории «автономная теневая власть», таким образом, являются властные, крайне нетранспарентные, закрытые клановые

институционально-нелегитимные отношения для ограниченного круга из властного клана лиц, обеспеченных олигархическими, плутократическим, бизнес-, политическими, коррупционными (в том числе наднационального уровня), родственными связями с высшими уровнями административной, судебной власти, правоохранительных органов, политических партий, СМИ; отсутствием экономической, политической конкуренции в сочетании с теневой системокоррупционной монополией на эксплуатацию государственно-властного ресурса.

Отмеченные выше эффекты незавершенной модернизации власти наиболее ярко проявляются именно в секторе автономной теневой власти, которая представлена в виде немодернизационного явления. Так, здесь с наибольшей силой действует эффект синкретизма, неразделимости ветвей власти. Автономная теневая власть интегрирует все ветви в единую теневую власть с функциями законодательной, исполнительной, судебной деятельности, средств массовой информации, которые осуществляют деятельность нераздельно, синкретично и обуславливают реальный, а не юридически формальный режим функционирования официальной власти, выступает уже как квазимодернизированное прикрытие деятельности теневой власти.

К основным аттракторам внешнего управления автономной теневой власти, определяющим современную активизацию антимодернизационных трендов развития, следует отнести:

- 1) тенизационное давление существующих квазимперий;
- 2) тенизационное влияние внешнеэкономического реформирования по лекалам квазирыночных моделей;
- 3) криминогенное давление транснациональных криминальных организаций;
- 4) тенизационное влияние транснациональной теневой корпоративности;
- 5) тенизационный эффект системы «мирового» правительства;
- 6) теневые финансово-разведывательные субъекты в структуре неформальных элитных взаимодействий.

1. *Тенизационное давление существующих квазимперий.* Огромное тенизационное влияние на историческое развитие постсоветских государств осуществляли и осуществляют несколько империй и постимперий — Россия, Австро-Венгрия, Британская империя, Германия, Османская империя, Речь Посполитая и т. д., взаимодействие которых между собой формирует мощный теневой синергетический эффект,

выталкивания страны в зону периферийных государств. Это не могло не сказаться на существовании различных центробежных тенденций современной теневой дезинтеграции постсоветского общества. Так, исследователь украинского общества Д. В. Яневский отмечает, что за последние 11 веков на территории земель, образующих современную Украину, действовали по крайней мере около 25 правовых традиций и законодательных комплексов в значительной степени имперского происхождения [7, с. 7–8].

В определении дефиниции «империя», как правило, исследователями подчеркивается гетерогенность объекта в онтологическом аспекте изучения, неравноправие отношений между центром и периферийными образованиями, особенность организации пространства на основе сильных связей периферии с центром и слабых — горизонтальных периферийных между собой. Особенно подчеркиваются косвенные формы правления, влияния центра при опоре на коллаборационизм местной элиты. Отмечается роль империй как крупных игроков на международной арене и свойство мобилизовать ресурсы периферии и метрополии для обеспечения функций империалистических воздействий и доминирования как одной из ключевых задач империи и критерия ее эффективности [8, с. 7].

Метрополия империй (постимперий), как и имперские образования, являются главными проводниками доминирующего субдукционного тенезационного влияния господствующего способа производства на периферию.

Особенно деформационно опасными для постсоветского общества являются имперские влияния на национальную элиту, с помощью которых осуществляется разложение моделью коллаборационизма собственных верхов, в том числе с помощью спецслужб, активное перераспределение лучших человеческих ресурсов проимперских местных элит в пользу метрополии, фактически уничтожая кадровые ресурсы всей периферии империи.

Глубокий системный кризис, когда чрезвычайно ослаблены все защитные механизмы государства, создает особенно благоприятные условия для подъема деструктивной для общества деятельности проимперских структур, в том числе теневых спецслужб. Именно с этими формами имперского давления связан сверхмощный процесс гибридизации власти, войны, развитие коррупции, масштабной тенезации, бегства капитала за границу и тому подобное.

Тайная, тенезационная амбивалентная деятельность всего государственного аппарата,

всей политической структуры, их влияние на периферию империи превращается в доминирующую. Так, в условиях глубокого кризиса советской (протоимперской) системы «...несмотря на умирающую партию, зараженную гангреной коррупции, тайные службы готовились присвоить себе всю полноту власти. Для этого они создали *in extremis* вокруг смертного овра КПС «теневую армию», вооруженную сложной аппаратурой, неограниченными средствами и полномочиями; ее крайне специфическая задача состояла в тайной реинfiltrации в коллективы больших и малых предприятий, заводов и институтов. Благодаря тайному государственно-перевороту КГБ — этот инструмент на службе дискредитированной партии — окончательно поднялся до ранга начальника и хозяина. В то же время, находясь и на вершине власти, КГБ пронзил всю огромную советскую империю» [9, с. 35]. «Выбор Андропова был крайне красноречив и официально и бесспорно подтвердил факт, что тайные службы наконец-то вырвали власть у коммунистической партии. Проекты и стратегии разрабатывали в КГБ, Политбюро одобряло их, а затем возвращало КГБ для реализации. Настоящей властью был КГБ» [9, с. 14–15].

Таким образом, произошло становление современной системы тенезационной деятельности истеблишмента (многих постсоветских стран, где не состоялся процесс принципиальной его очистки от проимперских носителей власти (люстрации), доминирующего проимперского влияния спецслужб других империй на все постсоветское пространство, на дальнейший процесс перерождения, прежде всего его элиты, приобретения ею черт все более паразитического слоя.

2. *Тенезационное влияние внешнеэкономического реформирования по лекалам квазирыночных западных моделей.* Пагубность применения либеральных моделей развития стран с переходной экономикой в глобализованном мире проявляется в том, что они (модели) — главным образом для развитых стран средство проникновения на рынки более слабых конкурентов для извлечения их национальных ресурсов и перераспределения национального дохода зависимых государств в свою пользу. Это и предопределяет деградацию и архаизацию (тенезацию) социально-экономической структуры незападных стран. Стоит напомнить, что в условиях переходных состояний, в том числе кризисного развития, сам Запад отвергал либеральные модели рыночного саморегулирования, которые сами по себе с задачами развития и роста давно

уже не справляются, а использовал модели с активным вмешательством государства в регулирование экономических процессов. Так, например, было в США в тяжелые времена Великой депрессии, а затем и в кризисные послевоенные годы, когда пакет моделей развития обогатился методами активного вмешательства государства в регулирование экономических и социальных процессов.

Введение в странах, находящихся в состоянии трансформации, напрямую или через международные организации типа МВФ-МБРР, использования моделей рыночного реформирования, которые сам Запад для себя не применял и не применяет, приводит, в частности, к архаизации и тенезации социально-экономической структуры в данных странах через неэквивалентный обмен. Это дает возможность западным странам беспрепятственно овладеть рынком сбыта и источниками дефицитного сырья, консервируя в странах с переходной экономикой состояние зависимости, второстепенности, маргинальности. При этом уже западный транснациональный капитал выступает как паразитарный элитный сектор, действует преимущественно теневыми методами (прямо или косвенно) и имеет высокий потенциал тенезации по отношению к другим секторам экономики стран, находящихся в трансформационном состоянии.

Согласно оценкам МВФ, в течение почти 140 лет (1862—1999) динамика реальных цен на сырье имела нисходящую траекторию и характеризовалась среднегодовым темпом падения на уровне 1,3 % [10, с. 68]. Но в последнее время нестабильность (изменчивость) цен на сырье усилилась. На протяжении 1862—1999 гг. кумулятивное падение цен на 25 % и более случалось восемь раз, при этом самым существенное падение реальных цен отмечалось в период 1951—1971 гг., когда реальные цены снизились на 106 %.

В 1950 г. Р. Пребиш и Г. Зингер предложили гипотезу, согласно которой в долгосрочном периоде условия торговли развивающихся стран с развитыми странами испытывают негативные изменения. Для подтверждения данной гипотезы исследователи использовали сравнение цен на сырьевые товары (за исключением нефти) с ценами на товары обрабатывающей промышленности, экспортируемые развитыми странами. Р. Пребиш и Г. Зингер объясняли феномен ухудшения условий торговли для развивающихся стран следующими факторами:

1) более низкой эластичностью спроса по доходу на сырьевые товары по сравнению с эластичностью спроса на готовые изделия;

2) расширением предложения сырьевых товаров в связи с низким уровнем занятости их населения;

3) монополизмом развитых стран на технологические инновации, который дает им возможность влиять на темпы обновления производства в развивающихся странах и определять доступ этих стран к информации, необходимой для успешного проведения переговоров [10, с. 68].

Несправедливое распределение доходов в процессе внешнеэкономического обмена выступает весомым фактором формирования финансовых диспаритетов между развитыми странами и странами третьего мира. Неэквивалентность внешней торговли препятствует накоплению финансовых ресурсов, достаточных для финансирования масштабных инвестиций и социальных потребностей населения, провоцирует перманентную зависимость финансовых систем развивающихся стран от привлечения иностранных капиталов. Накопление внешних долговых обязательств, в свою очередь, создает значительные препятствия на пути социально-экономического развития, становится фактором воспроизводства экономической отсталости и консервации бедности. Обслуживание внешнего долга в странах третьего мира поглощает значительную часть ВВП, отвлекая тем самым ресурсы от финансирования социально-экономических программ — образования, здравоохранения, очистки воды, строительства объектов инфраструктуры.

Таким образом, под влиянием неэквивалентного обмена с развитыми странами в странах с переходной экономикой (в том числе и постсоветских государствах) происходят процессы стремительной архаизации социально-экономической структуры — усиления тенезации социально-экономических процессов.

Одно из самых опасных явлений для экономики постсоветских стран, находящихся в состоянии трансформации, — экспансия западного финансового капитала, которая значительно усиливается в условиях современного финансового кризиса.

Мировые финансовые кризисы, в том числе и современный, выполняют функцию перераспределения собственности и власти на наднациональном уровне в пользу доминирующих стран, выступающих как паразитарная элитарная группа. Так, западные страны, прежде всего США, ищут способы выхода из кризиса за счет мировой периферии. Прогнозируемый второй этап мирового финансового кризиса проявляется в переносе кризисных дисфункций международ-

ных финансовых структур на финансовые рынки заимствований, обязательств и ценных бумаг зависимых государств, что неизбежно приведет к интенсивному росту их теневых процессов.

3. *Криминогенное давление транснациональных криминальных организаций.* В начале XXI в. транснациональная преступность приобретает принципиально новый потенциал и возможности, современные преступные транснациональные организации глубоко интегрируются в теневые властные процессы, становятся непременным элементом автономной теневой власти, выходящей за пределы традиционной экономической преступной деятельности, активно вмешиваются в политические процессы, посягают на безопасность личности, общества, государства, что в концентрированной форме можно наблюдать в современной Украине. Именно в этом государстве коррупция и политика, преступность и экономика, клановые интересы создали глобальную модель транснациональной преступности, осмысление истоков и состояния которой следует считать актуальной проблемой как национальной, так и мировой криминологии.

В постсоветских государствах транснациональная преступность, пожалуй, впервые в мировой практике доказала свою способность не просто создавать угрозу национальной безопасности, но и реализовывать эту угрозу в практической плоскости: менять власть, границы, оккупировать с помощью военной силы значительные территории, претендовать на роль политического лидерства и требовать признания как полноценных субъектов международного права [10, с. 33].

Насущной проблемой тенизации транснациональной сферы является значительный рост уровня угроз национальной безопасности государства и его составляющих со стороны международного терроризма, глобализации терроризма. Происходит взаимное усиление связи между процессами развития тенизации власти как одной из важнейших угроз экономической безопасности государства и специфической формы глобализации теневой экономики — терроризма.

Для современного терроризма характерны следующие основные признаки:

— интернациональный характер террористических группировок, глобализация ее террористических проявлений;

— участие международных террористических организаций в распространении своей деятельности и влиянии на другие регионы, активные попытки установить контроль над

территориями с богатыми залежами полезных ископаемых, в частности энергоносителей;

— активное использование отдельными государствами террористической деятельности для реализации собственных геополитических интересов;

— высокий уровень финансирования террористической деятельности; использование автономной теневой власти как одного из главных источников обеспечения террористической деятельности;

— установление постоянных связей между террористическими организациями и транснациональной организованной преступностью, в первую очередь наркобизнесом, контрабандой ядерных материалов и устройств, других средств массового уничтожения;

— появление новых видов терроризма, в частности информационного и электронного (компьютерного);

— профессионализм и подготовленность террористов на основе большого опыта участия в многочисленных конфликтах и террористических актах;

— адаптация целей национально-освободительной, религиозной, социально-экономической борьбы для обслуживания террористической деятельности и т. п.

Можно утверждать, что характерной особенностью нынешнего этапа дискурса безопасности является его постепенный переход в плоскость признания транснациональной преступности как одной из основных угроз национальной безопасности постсоветских государств, которая по своим масштабам выходит за пределы традиционной криминальной деятельности и характеризуется как транснациональная преступность в теневой автономной властной сфере, характерными признаками которой являются:

1) попытки дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране с целью глубокой тенизационной деформации власти, получения политических, экономических преференций, с претензией на создание уголовных анклавов, власть в которых должна принадлежать лидерам транснациональных преступных организаций;

2) тесная координация преступной деятельности с зарубежными специальными силовыми постимперскими службами, участие представителей этих спецслужб в деятельности транснациональных преступных организаций;

3) политическая поддержка криминальной деятельности со стороны высших должностных лиц иностранных государств, которые факти-

чески назначают руководителей этих организаций, легализация их деятельности путем политической и информационной поддержки;

4) участие в преступной деятельности определенной части национальных политиков и правоохранителей, реализующих свои интересы;

5) вовлечение (за счет популистской политической пропаганды) в деятельность транснациональных преступных организаций рядовых граждан, которые поддерживают деятельность этих организаций, связывают с этой деятельностью надежды на позитивные изменения условий жизни;

6) вовлечение (за счет использования финансовых ресурсов) в деятельность транснациональных преступных организаций граждан, ведущих антисоциальный образ жизни (наркоманов, криминальных лиц, лиц без определенного места жительства и др.);

7) наличие мощного ресурса в виде новейшего оружия, техники, оборудования, которое по своим тактико-техническим показателям превышает аналогичные образцы вооружения у силовых структур;

8) информационное сопровождение транснациональной преступной деятельности, которое реализуется на уровне информационной войны и фактически ведется с использованием мощных возможностей иностранных государств.

Указанные факторы позволяют отнести их к сегменту глобальной транснациональной преступности, которая сейчас становится угрозой для национальной безопасности и в ближайшие годы может создать реальную опасность для всего международного сообщества, стать причиной дестабилизации мирового порядка, предлагая международной общности свое видение мироустройства XXI в. [11, с. 35–36].

4. *Тенизационное влияние транснациональной теневой корпоратии.* Транснациональная теневая корпоратия представляет собой форму организации глобальной теневой власти, звено мировой мегасистемы теневых механизмов и внешних теневых воздействий, при которой реальные рычаги высших и центральных органов власти передаются корпорациям и их властным сателлитам на правах коррупционного аутсорсинга, которые или непосредственно, институционально, или преимущественно в нетранспарентном режиме влияют на разработку и реализацию государственных решений и действий. На национальном уровне формой влияния транснациональной теневой корпоратии является паразитарная элитная (олигархическая) автономная теневая властная система как отдельное звено теневого общества [12, с. 9–13].

Для дискурсивного анализа теневого механизма принятия решений системой корпоратии, в частности ее амбивалентной роли в адаптации функций государственных органов в проведении современных общественных реформ в своих узкокорпоративных интересах, большое значение имеет исследование логики влияния на эти решения мировой мегасистемы теневой власти. Этот мегасубъект теневого мирового влияния осуществляет его через посредство широкой инфраструктуры мировых теневых, полутеневых, официальных институтов, транснациональных элитных теневых агентов влияния, системы мировых надгосударственных организаций, мировых СМИ, разветвленной структуры иностранных спецслужб, разведывательных органов, негосударственных организаций, мировых транснациональных корпораций и т. п.

В XXI в. большинство из доминирующих стран мира (США, ФРГ, Великобритания, Франция, Япония, Китай, Индия, Бразилия) станут поистине глобальными корпоративными государствами. Именно они будут носителями доктрин — корпоративизма и глобального неокорпоративизма, с мощным теневым синергетическим воздействием.

Тенденции растущей теневой транснационализации микро- и макроэкономического воздействия сложились уже достаточно давно, однако они значительно интенсифицировались во второй половине XX в. Это стало прямым следствием транснационализации в сфере материального производства и привело к образованию качественно новой, более сложной структуры механизма теневого субдикционного воздействия. Самая заметная характеристика этой новой структуры — быстрое становление теневой суперструктуры глобального теневого давления, которую можно было бы условно обозначить как теневую корпоративный мегауровень.

Современная система теневой корпоратии в значительной степени базируется на новейших тенизационных институциональных закономерностях, связанных с оторванностью контроля и управления от собственности. Сегодня корпорации создают внутреннюю нормативную базу, свои правила внешнего поведения, межкорпоративных отношений и направляют все больше национальных и международных ресурсов на собственные, эгоистичные цели (процесс очень точно определен Р. Нейдером — «социобеспечение корпораций»), практически не заботясь о последствиях своих действий.

Есть все больше оснований для утверждения, что прогрессирующая глобализация экономики

в начале XXI в. достигла такого качественно нового уровня, когда глобальная система межкорпоративного воздействия на мирохозяйственные отношения стала особенно актуальным императивом. И это стало очевидным в результате мирового финансового кризиса 2007—2010 гг., современного финансового кризиса, которые выявили растущий дисбаланс между развитием глобальной экономической деятельности ТНК, с одной стороны, и эффективностью глобального регулирования экономических процессов в рамках мирового хозяйства — с другой. Одним из главных уроков, которые международное сообщество вынесло из этого кризиса, стало ускорение развития международных институтов и радикальное реформирование в существующих институтах с целью приведения их в соответствие с объективными требованиями мировой экономики.

Следует, однако, заметить, что развитию процесса глобализации механизмов регулирования противодействуют очень мощные инерционные факторы, основанные на особенностях социально-экономической организации в различных региональных секторах мирового хозяйства, которые отдельные авторы предлагают трактовать как различия между разными цивилизационными формированиями. Так, С. Хантингтон [13] считает, что современный процесс глобализации выражает попытки интегрировать через МВФ и другие международные экономические институты, незападные экономики в глобальную экономическую систему, находящуюся под доминированием Запада, что вредно для этих экономик и образует многочисленные угрозы, в том числе гибридные (теневые) войны за передел влияния и власти.

5. *Влияние тенизационной системы мирового правительства.* Наднациональная мировая теневая система власти — это сложно организованный надстроечный (над национальными властями) комплекс теневой власти разного уровня дееспособности, влияния, официальной или теневой (в пределах теневого параобщества) легитимации, отдельные элементы которого возникали и развивались асинхронно, как системно отдельные, асинкретичные, но в современных противоречивых условиях глобализирующегося мира действуют как синергетически организованный узел теневых воздействий на официальную и теневую национальную власть. Это так называемый Комитет 300, Синдикат, «Круглый стол», Бильдербергский клуб, Римский клуб и иллюминаты, неоиллюминаты, олимпийцы, тамплиеры, масоны и др. [14].

Наднациональное теневое закулисье представляет собой классический пример теневой мегаструктуры с относительно устойчивым режимом самоорганизации, целостностью динамического поведения, когда на основе менее упорядоченного субстрата — национальных теневых структур власти — образуются более сложные наднациональные теневые структуры мирового закулисья [6].

Логика и генезис современной эры становления и развития основной линии воздействий теневого мирового закулисья относится к временам формирования первоначальных глобализованных образований, в частности компании «Лондон Степлерс», образовавшейся из «Ост-Индской компании» (1600 г.), которая была превращена позже (в 1702 г.) в «Британскую Ост-Индскую компанию» (БОИК). «Ост-Индская компания» была теснейшим образом связана со структурами черной олигархической аристократии Венеции и Генуи, Орденом «Венецианской черной аристократии» из Лондона.

Следующий этап распространения и углубления структур мирового закулисья связан с возникновением в XVIII в. клана Ротшильдов, их структур и институтов как одних из главных субъектов мегауровня теневого властного пространства.

Возникновение феномена состояния и системы теневых воздействий класса Ротшильдов произошло за счет контроля над денежными потоками европейских государств, активного участия в формировании модели теневого двоевластия в Старом Свете [15]. При этом их позиции в Новом Свете были относительно слабыми, стратегия его покорения начала реализовываться с конца XIX — начале XX в. с помощью лоббирования создания и контроля Федеральной резервной системы США. Однако эта стратегия реализовалась в значительной степени во взаимодействии и партнерскими связями с новым игроком мирового теневого пространства — германо-американским кланом Рокфеллеров.

В настоящее время значительная часть мирового богатства контролируется небольшой группой кланов, которые сотрудничают в достижении своих коммерческих и политических интересов. К числу их относятся Барух, Лейбы, Ротшильды, Рокфеллеры, Варбург, Моргань, Шифф, Асторы, Банды, Буши, Коллинс, Дюроны, Итон, Фримен, Кеннеди, Ли, Онассис, Рейнальдсы, Сорос и др. Они действуют через мощную сеть различных взаимосвязанных, часто неформальных, негосударственных организаций, относительное влияние которых в США и Европе на протяжении времени меняется [16, с. 562—564].

6. *Теневые финансово-разведочные субъекты в структуре неформальных элитных процес сов.* Приступая к анализу сущности теневых субъектов элитных наднациональных взаимодействий, следует признать, что они принадлежат к матрице теневых неформальных властных отношений. Отметим, что высокий уровень иерархии власти, будь то в политике, бизнесе, военном деле, будь то в разведке — это всегда королевство двойных кривых зеркал, или, как говорил Уильям Донован — руководитель Управления стратегических служб США во время Второй мировой войны, «мутное двойное зазеркалье» в теневых неформальных властных процессах.

Одна из базовых неформальных форм теневой власти — элитные наднациональные разведывательные образования, которые сформированы политической элитой и финансово-олигархическими кругами аристократических кланов разных стран, играющие важнейшую роль в реальном механизме теневой автономной власти. Мощное влияние этих теневых элитных разведывательных организаций можно продемонстрировать на примере такой влиятельной финансово-разведывательной организации, как «Круг» или *Le Cercle* — предтечи образования гетерархии следующих теневых наднациональных сетевых субъектов влияния: Бильдербергский, Римский клубы и т. п. «Круг» в настоящее время активно функционирующая наднациональная теневая структура, объединяющая элитные группы в Европе, Америке и Азии [17].

Исходные представления о деятельности данной структуры, субъекты которой выполняют функции интерлокеров, следует искать вокруг следующих трех групп факторов. Первая из них связана с личностями основателей этой организации, возникшей в 1951 г. Два человека, которые сформулировали идею образования «Круга» и начали ее реализовывать среди определенных представителей европейской католической элиты, были Жан Виоле и Карло Писенти. Жан Виоле перед Второй мировой войной был одним из руководителей CSAR — тайной, ориентированной на финансово-промышленные круги в Национал-социалистической партии Германии и Кливлендским кругом Великобритании — организации, которая плотно была связана с французским националистическим, монархическим движением «Аксъон Франсез». Во время войны он переехал в Швейцарию, где существовали благоприятные условия для тесных контактов с доверенными лицами М. Бормана, Я. Шахта, В. Шелленберга. Одновременно Виоле тесно контактировал с руководством известного католи-

ческого Ордена *Opus Dei*, легендарным тайным европейским обществом «Синархия», с которым после Второй мировой войны враждовал и взаимодействовал генерал де Голль.

Карло Писенти по линии матери принадлежал к итальянскому олигархическому клану Пачелли. Его мать была сестрой Пия XII, которому принадлежал папский престол с 1939 до 1967 г., а также имела родственные связи с другими влиятельными ватиканскими чиновниками, в том числе главным юристом Ватикана Филиппом Пачелли и финансовым советником пап Эрнестом Пачелли. Первоначальный план создания «Круга» был разработан высшими кардиналами Ватикана, а его доработка и практическая реализация была доверена Карло Писенти и Жану Виоле.

В число учредителей «Круга» после проведенной с ним подготовительной работы вошли Антонио Пине — избран первым председателем этой неформальной тайной организации, Жан Монне — французский политический деятель, один из основателей Европейского союза, принц Отто фон Габсбург — неформальный глава Католической германской аристократии, Конрад Аденауэр — действующий (на то время) канцлер ФРГ и сэр Джон Синклер — представитель одного из самых родовитых кланов Британской аристократии, ведших родословную от шотландских тамплиеров.

В число лиц, активно работавших в «Круге», входили А. Даллес — американский дипломат и разведчик, директор Центральной разведки США; Дэвид Рокфеллер — американский банкир, глобалист и глава дома Рокфеллеров в 2004—2017 гг.; молодой Хуан Карлос Бурбон, будущий король Испании; Мишель Дебре, будущий министр обороны Франции, ближайший сподвижник генерала де Голля; Отто фон Амеронген и др. В более поздний период в «Круг» входили французский премьер-министр Лоран Фабиус, Сильвио Берлускони — итальянский бизнесмен, государственный и политический деятель, директора ЦРУ в разные периоды времени Уильям Колби, Уильям Кейси, Дж. Бреннан и др.

Советское руководство принимало активное участие в деятельности различных неформальных разведывательных структур, в том числе и «Круга». Так, при режиме И. В. Сталина удалось установить полностью уникальные по своей разветвленности, эффективности неформальные связи с многочисленными группами мировой элиты. Однако позднее, в связи с расстрелом Л. П. Берии, гибелью или заточением эффективных членов его команды, в услови-

ях развала работы в официальных разведывательных структурах практическую монополию на осуществление неформальных межэлитных разведывательных взаимодействий получил серый кардинал в системе власти Н. С. Хрущева А. И. Микоян. В дальнейшем активные разведывательные действия выполнял А. Н. Косыгин и его зять Д. М. Гвишиани. Важным субъектом тайных операций выступал Государственный комитет по науке и технике СССР.

Вторая группа факторов связана с целями организации и информацией о различных течениях, выделившихся в ней. «Круг» был образован Ватиканом и католической старой аристократией для реализации идеи о создании объединенной Европы от Лиссабона до Владивостока. В рамках этого крупного проекта субпроект «Круг» всячески способствовал созданию сначала европейских объединенных органов разного типа, например Европейского союза угля и стали, Общего рынка и, наконец, ЕС. В настоящее время члены «Круга» активно лоббируют создание трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и транстихоокеанского торгового партнерства, а также максимально глубокую интеграцию Китая в европейские экономические структуры.

Третья группа факторов связана с судьбой «Круга». В течение всего периода активной деятельности организации она по своей сути представляла собой неформальную структуру теневого взаимодействия между Ватиканом, старой католической аристократией, католически ориентованными ведущими политиками и финансово-разведывательной элитой европейской и англо-американской разведки.

С начала 1960-х гг. именно Д. Гвишиани, как правило, представлял Советский Союз в наиболее перспективных с точки зрения установления контактов и получения информации в международных организациях. После реорганизации и до середины 1970-х гг. ГКНТ в значительной части своих функций, в первую очередь затрагивающих вопросы международного сотрудничества, по сути представлял собой автономную, относительно независимую от КГБ СССР и ГРУ МО СССР разведывательную структуру, напрямую подотчетную А. Н. Косыгину и через него — Л. И. Брежневу.

Выводы. Межцивилизационная модернизация — это объективная циклическая система, в том числе во властной сфере, обеспечивающая приспособление, подчинение (в той или иной форме под внешним управлением) социально-экономических структур зависимых стран

и доминирующее воздействие развитых стран (последние триста лет — это Запад).

Зависимым странам, в том числе современным постсоветским государствам, которые в настоящих условиях образуют второе, или малое, общество по отношению к господствующему западному, присущ процесс незавершенной (неполной) модернизации, характеризующейся многочисленными и потенциально мощными теньевыми эффектами.

Модернизация властного пространства формирует его в мозаичную биполярную структуру, где вокруг небольшого количества административно-экономических властных вестернизированных центров функционирует эксплоярное большинство ординарной властной среды, которая по уровню модернизации существенно отстает от развития современных центров. Динамика модернизации в полюсах биполярной структуры власти отличается не только своими уровнями, но и ациклическостью, асинхронностью, асимметричностью и даже реверсно-архаичным характером по отношению как к западным образцам, так и в оппозиционной стороне биполярной структуры. Оппозиция центр-периферии власти отличается существенной модификацией, ревизионизмом приспособления под актуальность интересов тех или иных слоев среды субъектов модернизации. В связи с этим последняя приобретает характер квазимодернизации.

Межсекторный разлом вместе с другими противоречиями незавершенной модернизации, например гибридизацией власти, архаизацией, обуславливает возникновение мощной тенизации властных процессов транзитивной экономики, в частности явлений ее монополизации, бюрократизации, развития системной коррупции, функционирования мощной теневой экономики.

Процесс незавершенной модернизации, структура социально-экономического разлома разрывает властное пространство на две асимметричные части, которые имеют принципиальное различие в их целях, способах и последствиях: на властно-элитный и ординарный сектора.

Ключевым звеном системы власти в условиях незавершенной модернизации является автономная теневая власть, приспособление ее амбивалентных функций для развития национальной структуры. Однако современность не дает оптимизма относительно увеличения ее транспарентного потенциала и, следовательно, транспарентности системы власти в целом.

Автономное теневое государство как диалектический результат незавершенной модернизации и с учетом архаизации исторического

развития — закрытая теневая зона власти, замаскированная существующей государственно-властной институциональной структурой, интегрированная с теневым бизнесом, плутократией, олигархией. Это синергетическая форма образования и расширения межсекторного разлома в общественной модели переходного периода. Особенности конкретной социально-экономической формы теневого автономного сектора зависят от соответствующих модификаций данного сектора в конкретно-исторических условиях формирования.

Огромное влияние на историческое развитие постсоветских государств осуществляли несколько империй и постимперий — Россия, Австро-Венгрия, Британская империя, Германия, Османская империя, Речь Посполитая и т. д., взаимодействие которых между собой формирует мощный теневой синергетический эффект, выталкивания страны в зону периферийных государств. Это не могло не сказаться на существовании различных центробежных тенденций современной теневой дезинтеграции постсоветского общества. Так, исследователь украинского общества Д. В. Яневский отмечает, что за последние 11 веков на территории земель, образующих современную Украину, действовали по крайней мере около 25 правовых традиций и законодательных комплексов в значительной степени имперского происхождения.

Мировые финансовые кризисы, в том числе и современный, выполняют функцию перераспределения собственности и власти на наднациональном уровне в пользу доминирующих стран, выступающих как паразитарная элитарная группа. Так, западные страны, прежде всего США, ищут способы выхода из кризиса за счет мировой периферии. Прогнозируемый второй этап мирового финансового кризиса проявляется в переносе кризисных дисфункций международных финансовых структур на финансовые рынки заимствований, обязательств и ценных бумаг зависимых государств, что неизбежно приведет к интенсивному росту теневых процессов.

В начале XXI в. транснациональная преступность приобретает принципиально новый потенциал и возможности. Современные преступные транснациональные организации глубоко интегрируются в теневые властные процессы, становятся неременным элементом автономной теневой власти, активно вмешиваются в политические процессы, посягают на безопасность личности, общества, государства, что в концентрированной форме можно наблюдать в современной Украине. Именно в этом государ-

стве коррупция и политика, преступность и экономика, клановые интересы создали глобальную модель транснациональной преступности, осмысление истоков и состояния которой следует считать актуальной проблемой как национальной, так и мировой криминологии.

Транснациональная теневая корпоративность представляет собой форму организации глобальной теневой власти, звено мировой мегасистемы теневых механизмов и внешних теневых воздействий, при которой реальные рычаги высших и центральных органов власти передаются корпорациям и их властным сателлитам на правах коррупционного аутсорсинга, которые или непосредственно, институционально, или преимущественно в нетранспарентном режиме влияют на разработку и реализацию государственных решений и действий. На национальном уровне формой влияния транснациональной теневой корпоративности является паразитарная элитная (олигархическая) автономная теневая властная система как отдельное звено теневого общества.

Наднациональное теневое закулисье представляет собой классический пример теневой мегаструктуры с относительно устойчивым режимом самоорганизации, целостностью динамического поведения, когда на основе менее упорядоченного субстрата — национальных теневых структур власти — образуются более сложные наднациональные теневые структуры мирового закулисья.

Одной из базовых неформальных форм теневой власти являются элитные наднациональные разведывательные образования, которые сформированы политической элитой и финансово-олигархическими кругами аристократических кланов разных стран и играют важнейшую роль в реальном механизме теневой автономной власти.

Литература

1. Олейник, А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А. Н. Олейник. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 418 с.
2. Предборський, В. А. Протириччя незавершеної модернізації як причина системно-історичних деформацій у ланці влада-суспільство / В. А. Предборський // Формування ринкових відносин в Україні : зб. наук. пр. — Київ, 2015. — Вип. 3. — С. 3—7.
3. Онищук, С. В. Исторические типы общественного всепроизводства: политэкономия ми-

рового исторического процесса / С. В. Онищук, М. В. Белоусенко. — 2-е изд. — Донецк : РИА Дон ГТУ, 1999. — 152 с.

4. Предборський, В. А. Теорія тіньової економіки в умовах трансформаційних процесів : монографія / В. А. Предборський. — Київ : За друга, 2014. — 400 с.

5. Потемкин, А. Элитная экономики / А. Потемкин. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 360 с.

6. Свідзинський, А. В. Синергетична концепція культури / А. В. Свідзинський. — Луцьк, 2008. — 695 с.

7. Яневський, Д. Б. Загублена історія втраченої держави / Д. Б. Яневський. — Харків : Фоліо, 2009. — 252 с.

8. Наследие империй и будущее России / под ред. А. И. Миллера. — М. : Фонд «Либеральная миссия» ; Новое лит. обозрение, 2008. — 528 с.

9. Блан, Е. Родом із КГБ. Система Путіна / Е. Блан. — Київ : Темпора, 2009. — 360 с.

10. Вахненко, Т. Нееквівалентність зовнішньої торгівлі — фундаментальна проблема економічного розвитку країн, які розвиваються / Т. Вахненко // Економіка України. — 2006. — № 2. — С. 65—73.

11. Жаровська, Г. П. Транснаціональна злочинність організацій як реальна загроза національній безпеці України / Г. П. Жаровська //

Науковий вісник Ужгородського національного університету. — 2014. — Вип. 27, т. 3. — С. 33—37.

12. Предборський, В. А. Сучасна форма вітчизняного тіньового пара суспільства / В. А. Предборський // Формування ринкових відносин в Україні : зб. наук. пр. — Київ, 2016. — Вип. 3. — С. 9—13.

13. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Samuel P. Huntington. — New York : Simon and Schuster, 1996. — 368 p.

14. Предборський В. А. Ієрархічні структури тіньової залежності / В. А. Предборський // Формування ринкових відносин в Україні : зб. наук. праць. — Київ, 2017. — Вип. 6. — С. 3—8.

15. Предборський, В. А. Гібридна влада («двоєвладдя»): тіньовий вплив засобами паралельної реальності / В. А. Предборський // Формування ринкових відносин в Україні : зб. наук. праць. — Київ, 2019. — Вип. 9. — С. 7—17.

16. Коулман, Дж. Ієрархія заговорщиків: Комитет Трехсот / Дж. Коулман. — М. : Древнее и современное, 2011. — 616 с.

17. Смирнов И. И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти / И. И. Смирнов. — М. : Товарищество науч. изданий КМК, 2020. — С. 143—163.

Статья поступила в редколлегию: 03.06.2021